

А. С. Баранов

Солдатская революция 1917 года и предпосылки становления массового общества в России

Статья посвящена анализу роли солдатской массы в революционных событиях 1917 г. в России. Солдатская масса понимается как социальное новообразование, оформившееся в России к началу 1917 г., обладавшее особым типом политической культуры. Выявляются особенности восприятия солдатской массой политических реалий и событий, мотивация ее поведения, анализируются специфические способы постановки и достижения актуальных для солдатской массы целей. Особое внимание уделяется становлению особого типа социально-политических коммуникаций, связавших солдатскую массу и большевистские организации в 1917 г., выявляются предпосылки уникального пути становления массового общества в России.

ключевые слова: революция, политическая культура, большевики, рабочие, крестьяне, солдатская масса, массовое общество.

Солдатская революция

Называя революционные события октября 1917 г. *солдатской революцией*, мы акцентируем внимание не на идеологии или программных установках партии, ее осуществившей, а на социальных характеристиках той основной силы, на которую эта политическая организация — РСДРП (б) — смогла опереться для осуществления захвата власти в Петрограде — солдатах российской армии. Возможность решения всех актуальных проблем, стоявших перед революционной Россией весной-осенью 1917 г.: нахождение оптимального способа легитимации новых властных институтов, определение новой формы государственного устройства, разработка и реализация аграрной реформы, поиск решения проблем, связанных с национальными движениями в различных частях империи и т. д., — напрямую зависели от того, когда и каким образом Россия сможет выйти из Мировой войны. Военная тема — главная тема российского 1917 г., а «человек в серой шинели», или «человек с ружьем», — его главный исторический тип.

Солдатская масса (мы будем употреблять это словосочетание как аутентичный термин рассматриваемой эпохи), сконцентрированная в Петрограде в 1917 г. в количестве от 215 до 300 тыс. человек [Рабинович, 22] при общей численности населения города в 2,7 млн [Рабинович, 12], фактически выступала в качестве ведущей силы, определявшей ход всех переломных событий, происходивших в Петрограде в течение революционного года. Все фазы смены настроений в городе были связаны с официальными заявлениями, приказами, газетными сообщениями, листовками или слухами, так или иначе касающимися положения солдат: «Приказ №1» и «Нота Милюкова», подготовка июньского наступления и «июльский кризис», корниловское выступление и октябрьское восстание. Отнесем сюда и неоднократные попытки Временного правительства стабилизировать положение в Петрограде либо при помощи введения в город «верных» фронтовых частей, либо (с той же целью) — выведения из города и отправки на фронт частей, дислоцированных в городе.

В событиях 1917 г. (не только в Петрограде, но в Петрограде в первую очередь) солдаты российской армии действуют в самых разнообразных качествах. Они выступают в качестве военной силы, еще продолжающей по инерции участие в Мировой войне, в качестве демонстрантов и основной аудитории всех петроградских митингов, в качестве избирателей и избираемых, в качестве вооруженных мятежников, а также в качестве опоры для сил правопорядка, подавляющих вооруженные выступления других солдат. Солдаты принимают участие в винных погромах, записываются для прохождения гимназических курсов [Милицын, 175], становятся целевой аудиторией вдруг появившихся специальных солдатских газет различной политической ориентации и самостоятельно организуют издание некоторых из них [Хаустов, 111–112; Милицын, 181].

Хотя в советской революционной историографии (и/или мифологии) с самого начала ее становления прочно утверждалось представление о петроградских рабочих как об основных творцах революции, названной «пролетарской», ее изначально именно военный или, точнее, именно солдатский, характер не подлежит сомнению. Более того, в данном случае мы имеем перед собой первый исторический пример революции, к которому наименование «солдатская революция», на наш взгляд, подходит максимально точно.

В 1920 г. Л. Д. Троцкий в книге «Терроризм и коммунизм» сравнивает обстоятельства Октябрьской революции и Парижской

коммуны 1871 г. в главе, посвященной сопоставлению поведения «парижских рабочих» и «петербургского пролетариата». Сразу отметим, что Троцкий предпочитает не акцентировать внимание читателя на солдатах как рычаге захвата власти, но периодически употребляет применительно к Петрограду более широкое понятие — «пролетариат».

Ведение войны не было сильной стороной Коммуны. Именно поэтому она оказалась разгромлена. И как беспощадно разгромлена!

— пишет Троцкий. И далее:

«Ведение войны вообще, ведь, не сильная сторона пролетариата»? Неправда! Русские рабочие показали, что способны овладеть также и «инструментом войны». Мы видим здесь гигантский шаг по сравнению с Коммуной [Троцкий, 85].

Несмотря на поверхностное сходство парижских реалий весны 1871 г. и петроградских реалий осени 1917 г. (и там и тут крушение империй, случившееся на фоне военных неудач, и там и тут радикализация настроений населения в прифронтовых столицах происходит через несколько месяцев после первых раундов революции и т. п.), эти события оказываются диаметрально противоположными по своим итогам во многом именно благодаря принципиально различной роли, которую в каждой из них сыграла армия. Коммуна состоялась в прифронтовой столице Франции *не благодаря армии, а потому, что ее в этот момент не было в городе*. А поражение коммуны стало неизбежным как раз в тот момент, когда регулярная армия вошла в Париж.

Нечто похожее происходило и в революционной Москве в декабре 1905 г. Восстание на Пресне развивалось до тех пор, пока регулярным войскам не удалось появиться на улицах Москвы. Революция 1905 г. тоже не породила солдатскую массу, несмотря на ряд ее важных эпизодов, показывающих, что такой вариант развития событий в принципе был не исключен.

Политическая сила большевиков осенью 1917 г. определялась не столько революционной сознательностью и организованностью поддерживающих их городских рабочих, сколько способностью и умением этой партии манипулировать настроениями солдатской массы Петрограда. Именно последнее обстоятельство способствовало практически бескровному переходу на сторону

восставших многих стратегически важных объектов в Петрограде 24 и 25 октября. «Не может быть, чтобы там все войска не сочувствовали нам», — якобы произнес Троцкий, планируя захват Петропавловской крепости «изнутри» [Рабинович, 270–271], и оказался прав. Петропавловская крепость, как и другие объекты Петрограда, контролируемые частями городского гарнизона, перешла под контроль большевиков не потому, что рабочие овладели «инструментом войны», а потому, что солдаты регулярной армии этим «инструментом» пользоваться не собирались.

Солдатская масса, сверх всякой меры сконцентрированная в Петрограде, состояла преимущественно не из городских рабочих, а из крестьян, поспешно мобилизованных уже в военное время в разных губерниях империи. Они были подняты «ковшом» мобилизации из значительно более глубоких слоев общества, нежели тот слой, к которому принадлежали петроградские рабочие. Понимание их мировосприятия и особенностей политической культуры, сформированной в результате ускоренной политической социализации (или псевдосоциализации), — ключ к пониманию событий революционного года.

Без рассмотрения специфических свойств солдатской массы 1917 г. невозможно ответить на два важнейших и взаимосвязанных вопроса:

1. Каким образом большевики, еще в апреле 1917 г. представлявшие собой маргинальную политическую группу, за несколько месяцев достигли той степени могущества, которая позволила им захватить власть и приступить к реализации грандиозной программы по уничтожению всех политических, социальных, экономических, культурных и религиозных институтов, существовавших в России?

2. Почему уничтожаемые институты, одни из которых являлись фундаментальными основами российской цивилизации, а другие оформились только в постфевральский период и, казалось, до предела были насыщены юной «революционной энергией» народа, «вступившего на путь свободы и демократии», оказались неспособны этому противостоять?

Солдатская масса

1917 год — год рождения и почти полного жизненного цикла солдатской массы как уникального явления русской истории. Еще в январе 1917 г. солдаты русской армии — *только* нижние чины,

организованные в подразделения, действующие на основании приказов «офицерского состава». У них пока нет иной роли кроме той, которая предписана присягой и уставами. Конечно, в это время солдаты — уже носители особого настроения, вызывавшего тревогу у внимательных наблюдателей:

Мирным русским человеком почему-то считается человек, хрипящий от крика «война до конца», а русским солдатом — существо, жаждущее замирения во что бы то ни стало...

— писал Ф. А. Степун в начале 1917 г. в «Письмах прапорщика-артиллериста» [Степун, 244]. Но солдаты еще не проявляли политической воли, как это впервые произошло в тот момент, когда присоединение солдат Петроградского гарнизона к гражданским демонстрантам в февральские дни превратило «беспорядки» в «революцию».

Момент рождения солдатской массы можно установить достаточно точно — первые числа марта 1917 г. Еще 28 февраля в известном распоряжении председателя Временного комитета государственной думы М. В. Родзянко речь идет обо «всех отдельных нижних чинах», «воинских частях» и «офицерском составе», которые должны вернуться в свои *подразделения* [Злоказов, 62–63]. Здесь пока нет «масс». Приказ не знает «солдатских коллективов», а разделы приказа, адресованные нижним чинам и офицерам, обособлены. Спустя всего несколько дней Родзянко выступает перед армией с воззванием, имевшим совершенно иную тональность и начинавшимся новым обращением: «Братья офицеры и солдаты!» Воззвание не просто написано другим языком, оно адресовано новому социальному объекту — не чинам, но массам: «Напрягите все Ваши силы и помогайте друг другу, старайтесь во чтобы то ни стало сохранить между собой порядок и дисциплину» [Родзянко, 76]. Воззвание — не приказ, ибо массам приказывать невозможно. Родзянко не просто признает здесь солдат носителями *свободной воли*, он пытается сконструировать некое «братство» солдат и офицеров. Заметим, братство, так никогда и не состоявшееся фактически. Между названными документами произошло два важнейших события: отречение императора, сделавшее недействительной воинскую присягу, и издание Петроградским советом приказа № 1, помимо всего прочего, наделившего солдат политическими функциями. С этого момента начинается легальное, достаточно короткое, но предельно насыщенное собы-

тиями функционирование солдатской массы в качестве субъекта социально-политической жизни России.

Солдатская масса перестала существовать зимой 1917–1918 гг. Мы не увидим больше солдатскую массу после января 1918 г., когда население городов и деревень прифронтовых губерний станет свидетелем беспрецедентного по своим масштабам возвращения домой солдат распущенной армии.

На смену старой армии весной 1918 г. придут новые военные силы — Рабоче-крестьянская красная армия и белые армии, действовавшие в различных регионах бывшей империи. Хотя значительную часть новых армий будут составлять выходцы из солдатской массы 1917 г., их социальное состояние будет совершенно иным. Они больше не будут носителями собственной политической роли, а их поведение будет жестко определяться новыми системами субординации.

Организаторам новых армий масса была не нужна, поскольку масса в принципе не способна вести планомерные организованные действия, тем более военные. Отметим, что ветераны старой армии, имевшие личный опыт принадлежности к прежней солдатской массе 1917 г., в силу своего специфического военно-политического опыта станут наиболее трудным «материалом» для всех мобилизационных кампаний гражданской войны [Телицын, 127].

В марте 1918 г. большевики прекращают выпуск газеты «Солдатская правда» — важного инструмента воздействия на солдат в 1917 г., что означает констатацию факта *исчезновения целевой аудитории*, заявленной в названии издания. Символично, что эта газета получает новое название — «Беднота», в полном соответствии с актуальными задачами, стоявшими перед большевиками весной 1918 г.

Но вернемся к 1917 г., когда солдатская масса еще только смогла проявить все свои уникальные свойства.

Масса обладает не только количественными, но и качественными, так сказать, субстанциональными характеристиками. Количественные: масса — это много. Качественные: масса — это особая, более или менее однородная, вязкая, не поддающаяся (или с трудом поддающаяся) формализации, расширяющаяся и заполняющая окружающее пространство субстанция. Для характеристики солдатской массы мемуаристы (свидетели событий, но не участники самой массы, поскольку последние воспоминаний и дневников, как правило, не оставляют) используют особые понятия: «в солдатской среде», «в самой гуще солдатской массы»

или в самой ее «толще», но никогда не «в рядах», так как рядов у массы не бывает.

Масса как социальное явление не является ни толпой (мгновенно возникающей и столь же быстро исчезающей), ни настоящей организацией (регулярным учреждением, целенаправленно действующей предписанным образом), хотя в разных ситуациях солдатская масса могла проявлять черты того и другого. Результат контакта с солдатской массой в 1917 г. для всех участников этого контакта всегда не предсказуем. В этом, безусловно, проявляется ее сходство с толпой. Солдатской массе была свойственна анонимность толпы, ее агрессивность, жестокость, инертность, склонность к резким перепадам настроения. С другой стороны, в деятельности солдатской массы заметны определенные признаки организации: относительная стабильность состава, иерархичность элементарных ячеек-подразделений, постоянство лидерских ролей, способность, несмотря на неустойчивость настроения, держать в фокусе своего внимания общий интерес, а также своеобразная, хотя и весьма специфическая, целерациональность.

Почти документальное описание бесчинств *массы-толпы* находим в финале повести А. Соболя (эсера, фронтового комиссара Временного правительства, писателя) «Салон-вагон», посвященной октябрю 1917 г. и написанной непосредственно во время гражданской войны:

В Щепетовке ловили офицеров и мимоходом громили станцию. И когда один из убегающих, генерал со шрамом поперек лба, завидев голубой салон-вагон, четко выделявшийся среди плоских платформ, кинулся к нему, в нем усмотрев неожиданное спасение, каблуками отбиваясь от цепких рук, растянутых кричавших ртов, красных, похожих на развороченные помидоры, а Гиляров, рванув дверь к себе, с верхней ступеньки поймал генерала за шиворот, уперся обеими ногами в железную обивку и втащил его на площадку, — один и тот же приклад обрушился и на него, и на генерала. Потом оба лежали на снегу, рядом, плечо о плечо: Гиляров и генерал со шрамом от порт-артурской раны — оба в шинелях защитного цвета, оба запрокинув разmozженные головы к небу [Соболь 2002, 93].

Здесь масса-толпа действует мимоходом, но в других ситуациях она проявляет способность к организованности. Безусловно, это не способность к оформлению настоящих организованных структур, это склонность к образованию своего рода

сгустков, комков, прообразов настоящих организаций: комитетов, выносящих постановления, выражающих ситуативное общее мнение и т. д. Подобного рода «организованная» масса зафиксирована другим эсером и писателем Б. В. Савинковым, описывавшим свои попытки поднять один из полков в наступление в июне 1917 г.:

Полк разделился на две неравные части. Одни стрелки решили не выступать — не исполнять боевого приказа. Созвали митинг, выслушали ораторов и большинством голосов постановили, что необходим отдых, что они уже 33 месяца сражаются с неприятелем. <...> Другие стрелки ушли. Исполнили приказ. Ушли под угрозы, под одиночные выстрелы винтовок. В иных ротах вышло 25 человек, в иных командах вышло двое-трое [*Ропшин, 203*].

В каждом из названных вариантов активной деятельности (масса-толпа и масса-организация) проявляется главное свойство массы — ее специфический коллективизм (не путать с солидарностью), ее совершенно особое «мы». «В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ, — писал испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. — По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, “как и все”, и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [*Ортега-и-Гассет, 420*]. Частицы массы не формулируют мнений и суждений, они агрессивно декларируют общее мнение, хотя и не желают проявить настоящую социальную солидарность. У нее нет ни убеждений, ни принципов, у нее есть настроения и желания. Имеется воля к достижению желаемого и готовность к разнообразной активности в соответствии с актуальными настроениями.

Яркие примеры поведения солдатской массы как толпы и как организации можно обнаружить в источнике, относящемся к совершенно иному периоду истории России, как нам представляется, описывающем тот же тип поведения массы, о котором шла речь выше. Патрик Гордон, шотландский офицер русской службы, принимавший участие в переговорах со стрельцами во время знаменитых бунтов конца XVII в., пишет в своем дневнике в июне 1698 г.:

Два капитана приехали из Торопца и донесли, как стрельцы отказались, после нескольких тайных совещаний сговорились, решили не идти на назначенные

места, а выступать прямо в Москву и просили своих полковников и офицеров пойти с ними; после отказа тех выступить, выбрали по 4 от каждого полка себе в начальники и несомненно направляются к Москве [Гордон, 149].

Стрельцы направили петицию, содержащую «список их заслуг с усугублением их жизни и просьбой о дозволении прийти в Москву, дабы навестить свои дома, жен и детей и бить челом о своих нуждах» [Гордон, 150]. Гордон прибыл в лагерь мятежников, где попытался призвать стрельцов к выполнению приказа:

Однако они отвечали, что все готовы либо умереть, либо идти в Москву, хотя бы на 2 или 3 дня, а потом отправятся, куда Его В-во укажет... Они возразили, что скорее умрут, чем не пойдут в Москву. Два старика из их числа принялись усугублять их горести и нужды... ..и поднялся великий ропот. Я посоветовал им посоветоваться каждым полком отдельно и хорошо подумать, что делают. Они отказались со словами, что все едины в помыслах [Гордон, 151–152].

Этот сюжет, который можно назвать архетипическим, целым рядом обстоятельств напоминает события и реалии 1917 г.: военное подразделение теряет «форму», пытается создать некую систему самоуправления, демонстрирует решимость умереть ради ситуативной цели (никакой собственной политической «программы», только непосредственные «нужды» и желание скорее попасть домой хоть ненадолго, «политическая программа» здесь может появиться только извне), противоречивое соединение решимости к бунту и готовности к подчинению и, наконец, демонстрация полного единомыслия.

Все это очень похоже на впечатления мемуаристов о поведении солдат летом 1917 г., накануне и после июньского наступления:

Многие просились в тыл. Никакие аргументы не помогали, кроме твердого «невозможно». Просились в тыл «хоть на неделю», «хоть на несколько дней», «хоть на день» [Станкевич, 157].

Выше уже отмечалось, что большинство русских солдат Первой мировой войны были призваны на военную службу из деревни — являлись носителями крестьянской общинной культуры со всеми ее особенностями восприятия мира. Они не ощущали безвозвратного разрыва с землей. Что касается солдат, мобилизованных из городов, то и они, являясь фабричными или заводскими

рабочими, обычно были горожанами в первом поколении. Хотя они не вернутся в деревню, их связь с крестьянским миром еще слишком памятна. Это берег, от которого они отчалили совсем недавно, который был еще виден и почти осязаем. В том и в другом случае русские солдаты 1917 г. по своим социокультурным характеристикам значительно отличались от солдат европейских держав, где были совершенно иные темпы урбанизации, иная традиция собственности, иное соотношение крестьянского и городского (со всеми вытекающими последствиями, включая грамотность) в социальных структурах.

Солдат — человек, который насильно вынут из привычных реалий и отношений. В его политической культуре и политическом поведении больше проявлений архаического менталитета крестьян, чем сознательности городских рабочих. «Имя Керенского слишком ненавистно», — писал в своем дневнике вольноопределяющийся Преображенского полка С. Милицын о настроениях солдат осенью 1917 г.:

Странно, ему особенно ставят вину, что он спит в царской кровати. Об этом кто-то пустил сплетню и она попала в цель [*Милицын, 175*].

Удивительно не то, что «царская кровать» оказалась способной пробуждать столь сильные чувства; удивительно то, что подобное «попадание в цель» могло быть в XX в. Напротив, дискредитирующая сила другого информационного послания «Ленин — немецкий шпион», которое стало активно распространяться и обсуждаться в обществе в июльские дни 1917 г. [*Рабинович, 44–45*], для солдатской массы оказалась обладающей значительно меньшим потенциалом. Обвинение в национальной измене способно дискредитировать политического лидера в глазах той аудитории, которая прошла определенный путь настоящей политической социализации, для которой патриотизм является ценностью, а предательство — преступлением. Для солдатской (по своей сути — посткрестьянской) массы сюжеты с «деньгами германского генштаба» и с «опломбированными вагонами» были абстрактными.

В России к началу мировой войны государство не успело или не сумело адаптировать своих крестьян к ценностям доминирующей группы, и они не превратились в граждан России [*Кормина, 264*]. Крестьяне, составившие наспех укомплектованные военные части, прежде всего ощущали себя «не гражданами страны

(как некого воображаемого сообщества), а членами локальной группы» [Кормина, 264].

Вчерашний крестьянин помещен в недра армии — тотального института, контролирующего его личное пространство и время. Пребывание внутри тотального института — личностный и социокультурный кризис, ломающий предшествующую крестьянскую идентичность и формирующий идентичность нового типа. С момента мобилизации армия превращала крестьянина в «нижний чин». Безусловно, в массе есть «земляки» и могут быть даже родственники, но его новая идентичность основана на иных социальных параметрах, чем идентичность члена крестьянской общины: чин, полк, фронт, род войск. Отметим и крайне специфическую русскую традицию отношения к военной службе, веками накапливавшуюся в крестьянской среде: представление о воинской службе как о наказании, традиция рекрутских бесчинств, особая обрядность призыва в армию (и возвращения из нее), имитирующая похоронные ритуалы и т. д. [Кормина, 84, 92–93, 190–191, 231].

Исходя из сказанного выше, понятно, что солдатская «тяга домой», «усталость от войны» — нечто большее, чем просто естественное желание любого солдата любой исторической эпохи вернуться домой. Это желание связано со стремлением к восстановлению прежней идентичности, фактически, со стремлением возвратиться к жизни.

Процесс превращения армии в массу происходил не одновременно. С разной скоростью в Петрограде и в Москве, в тылу и на фронте, на севере и на юге. Но здесь важен не только географический вектор. Скорость этого процесса зависела от социальных и культурных особенностей тех или иных частей, родов войск. Пехотные части переживали *массовизацию* быстрее, чем кавалерийские; тыловые части быстрее, чем фронтовые; русские быстрее, чем инородцы; солдаты быстрее, чем казаки. Почему казаки в меньшей степени «хотели домой»? Почему пресловутая «усталость от войны» проявлялась в казачьих частях настолько слабо, что антивоенная «работа» большевистских агитаторов не имела здесь успеха, сопоставимого по масштабам с их успехом в солдатских частях?

Ответ на эти вопросы вытекает из сказанного выше. Для представителей казачества уход на войну не являлся событием, разрушающим предшествующую идентичность и создающим новую. Напротив, военная служба только резче эту идентичность

выражала. Служба не вынимала казака из общины, но еще более утверждала его в качестве ее члена. Переходя от мирного существования к существованию «на войне», казаки оставались представителями того же военного сословия, а не переходили в другую форму социальной организации. Географическая мобильность тоже никогда не являлась для них проблемой, подобной той, которую мы видим в солдатской массе. Вопросы субординации имели в их среде совершенно иное значение. Знаменитый «Приказ № 1» не менял фундаментальные основы единоначалия казачьего типа. Отношение казаков к начальству принципиально отличалось от медленно, неотвратно нарастающей ненависти к офицерам, которая характерна для солдатской массы.

Если желание вернуться домой у казаков было *только* желанием вернуться домой, то для представителей солдатской массы это было возвращением из ненавистного мира тотального института в предшествующее *социальное качество*. А поскольку на пути этого возвращения стояли различные препятствия (в виде Временного правительства, генералов, офицерства, духовенства), идея устранения препятствий, мешающих достижению цели, находила у представителей солдатской массы быстрый отклик.

Солдатская масса и ее партия

Солдатская масса при всей своей многочисленности, при явной однонаправленности интересов и помыслов отдельных частиц, ее составляющих, не являлась социальным классом. Она была ситуативна — образовалась *вдруг*, под действием внешних факторов, а не глубоких внутренних побудительных мотивов к объединению. Она опознала себя лишь в ситуации *саморазрушения властного каркаса империи*. Солдатская масса — незапланированное детище государственной мобилизации. Осуществленная властями с целью наращивания военной силы, беспрецедентная в мировой истории русская мобилизация в реальности привела к тому, что произошло образование не силы, но массы, в которую осела и в которой утонула императорская армия по мере развития революции.

Если у любого социального организма, тем более — у класса, существует инстинкт упрочения своего присутствия в социальном мире, то солдатская масса желала прямо противоположного — исчезнуть настолько быстро, насколько это возможно. По этой причине на демобилизацию (или утилизацию) русской

армии зимой 1917–1918 гг. понадобилось ровно столько времени, сколько было нужно солдатам, чтобы покинуть окопы или казармы и добраться домой.

Солдатская масса 1917 г. обладала специфической силой и специфической слабостью. Она не могла продолжать быть армией, хотя формально и продолжала считаться ею. На нее невозможно было эффективно воздействовать проверенными старыми средствами, а новые средства только надлежало изобрести. Стремление к контролю над массой и острая конкуренция в этом вопросе характеризуют все существовавшие на тот момент в России политические силы.

От февральской революции до июньского наступления ни одна из политических сил не была готова к уверенному взаимодействию с солдатской массой. В конце мая в этом вопросе еще царил неясность, но к первым числам сентября все уже будет решено. Осень 1917 г. станет временем выбора тактик. В июне, июле и в августе в Петрограде и на фронтах различными политическими силами, порожденными альтернативными политическими субкультурами, были опробованы *три возможные стратегии отношения к солдатской массе*.

Рассмотрим каждую из этих стратегий, двигаясь от правого к левому флангу политического спектра.

1. *Стратегия «восстановления порядка»*. Ее носителями выступают генералитет, значительная часть кадрового офицерства. В партийном ракурсе: от кадетов до наиболее правого крыла партии социалистов-революционеров. От Лавра Корнилова к Борису Савинкову. Негативное развитие событий в России, в рамках данной парадигмы, представляется результатом падения дисциплины, которая должна быть восстановлена любыми средствами. Главная причина трагической ситуации — злой умысел и предательство; «Приказ № 1» и фактически вся деятельность Петросовета. Наиболее ярко подобное видение ситуации выражает следующее мнение А. И. Деникина:

Грозный окрик верховного главнокомандования, поддержанный сохранившей в первые две недели дисциплину и повиновение армией, может быть мог поставить на место переоценивший свое значение Совет... Лояльность командного состава и полное отсутствие с его стороны активного противодействия разрушительной политике Петросовета, превзошли все ожидания революционной демократии. Корниловское выступление запоздало... [Деникин, 139].

Данная стратегия оформлялась с задержкой по сравнению с двумя другими.

Политическая социализация русской армии в различных ее слоях в 1917 г. происходила разными темпами. Наиболее медленно этот процесс шел на уровне высшего командования. Если младшее офицерство и солдатский состав, испытывавшие в течение всей войны постоянный приток свежих сил, представлявших различные социальные группы и общности, переживали процесс политической социализации очень быстро, то генералитет на протяжении всего этого времени оставался закрытой кастой. Корниловское движение действительно запоздало, но не в последнюю очередь потому, что ни Лавр Корнилов, ни его единомышленники не могли еще в апреле думать и действовать так, как они будут это делать в августе.

Время апробации данной стратегии — середина июля — 20-е числа августа. После Корниловского выступления ее носители уже фактически находятся в состоянии гражданской войны со всеми силами, олицетворяющими для них «разложение государства и армии», включая те, которые возглавляло Временное правительство.

2. *Стратегия «уговаривания».* Ее создателем и основным проводником являлось Временное правительство. Социалисты-государственники, высший подъем активности которых приходится на лето 1917 г. Ее носители — все сообщество оборонцев в советах и институт фронтовых комиссаров, для которых «уговаривание» солдат явилось вообще главным политическим делом. Здесь часть некадрового офицерства — прапорщики военного времени и «поручики Керенского». Безусловно, сам А. Ф. Керенский, в качестве «главно-уговаривающего». Данная стратегия основана на безусловной жалости к солдату, сочувствии к нему, на ощущении трагического противоречия между сутью преступной войны и необходимостью ее продолжения.

Мы гнали этих людей, не понимающих и не могущих понять смысла войны, заставляли их идти убивать каких-то для них совершенно непонятных врагов и еще считали себя в праве заставлять их улыбаться при этом [*Станкевич, 168*].

Миссию фронтовых комиссаров Временного правительства можно назвать «вторым хождением в народ» по аналогии с пер-

вым, предпринятым их предшественниками в 1874 г. Столь же самоотверженной, идеалистической и, как выяснилось, безнадёжной была эта деятельность, фактически направленная на взаимодействие с двумя по сути совершенно чуждыми им средами: с командным составом армии и с ее солдатской массой. Стратегия «уговаривания» оформилась еще весной. Ее основное время: конец мая — весь июнь — начало июля. Причины негативного развития ситуации в рамках данной парадигмы: предательство большевиков, неразумность и неразвитость солдат и контрреволюционная деятельность части генералитета.

Ощущение краха своей миссии, полной потери контроля над происходящим находим в написанной в 1922 г. автобиографии уже цитировавшегося выше Андрея Соболя, одного из фронтовых комиссаров Временного правительства:

Три месяца был в солдатской гуще, три месяца я «уговаривал» — от полка к полку, от дивизии к дивизии. <...> В ночь на 30 октября в городишке Вейзенберге я получил кулаком в грудь на собрании представителей 47-ой дивизии. А несколько недель спустя на могилевском вокзале я глядел на убитого Духонина; в тот же день в опустошенной ставке я по-настоящему познал, что такое одиночество и как порой даже смерть желанна [Соболь 1992, 3].

3. Стратегия «подчинения изнутри». Представлена прежде всего большевиками. Как известно, к моменту возвращения Ленина и его соратников в Петроград в апреле 1917 г., РСДРП(б) представляла собой незначительную политическую силу. Ее неучастие в первых днях революции, низкая численность, отсутствие влияния в армии, в советах, сектантская обособленность, почти патологическое нежелание образовывать любые коалиции, даже с наиболее близкими политическими организациями, относительно слабая популярность партийной идеологии в сравнении с идеологическими воззрениями эсеров, — все это, кажется, совершенно исключало надежды на тот политический успех, к которому большевики пришли в конце года. Тем не менее, антивоенная работа внутри «солдатских масс», начатая еще в мае, незадолго до июньского наступления, и показавшая свою эффективность в начале июля, привела к исключительному успеху. Большевикам удалось создать специфическую солдатскую печать и найти в казармах и окопах людей, способных к планомерной работе в нужном направлении. А. Г. Шляпников так описывал эту работу в своих воспоминаниях:

Я поставил своей задачей найти подходящего человека для постоянной агитации среди солдат. <...> Желателен был военный человек, которому... солдаты доверяли больше, чем штатскому. Такой человек скоро нашелся. Это был солдат М. Лашевич [*Политические деятели, 177*].

Важно отметить, что налицо было именно совпадение интересов: «солдатская масса» нашла свою партию и наоборот. Цели массы и большевиков в этот момент истории полностью совпали. Не желая продолжать свое существование в качестве армии, солдатская масса сделала в 1917 г. достаточно много для реализации этого нежелания.

Петроградская революция, осуществленная ею в октябре 1917 г., была, прежде всего, революцией антиофицерской, антиначальственной и только потом антибуржуазной. Масса действовала, движимая вполне эгоистичными мотивами, связанными с возможностью скорейшего возвращения домой и немедленного безвозмездного получения помещичьей земли. В 1917 г. марксизм в его большевистской интерпретации еще не мог быть популярным у масс, он просто не был еще *переведен на понятный ей язык*. Полноценная пропаганда большевистской идеологии начнется позднее, только после появления «Азбуки коммунизма» Н. И. Бухарина и Е. А. Преображенского (1919) — книги, нацеленной на ликвидацию «коммунистической неграмотности».

Последующее превращение солдатской революции в «социалистическую» и тем более в «мировую» потребовало от большевиков, «оседлавших» в 1917 г. мечту массы о возвращении домой, не только сокрушения «старого государственного аппарата», не только формулирования новых целей и пропаганды новой идеологии. Задача создания и успешного функционирования диктатуры пролетариата требовала полной и безусловной утилизации солдатской массы 1917 г., что и было осуществлено в первые месяцы после Октября. Солдатская масса не дала ни одного *своего лидера*, не породила ни одной заметной политической биографии. Все большевистские деятели, служившие в армии в 1917 г. (Ф. Ф. Раскольников, Н. В. Крыленко, П. Е. Дыбенко, Г. Л. Пятаков и др.), были членами партии с довоенным стажем. Заметим также, что никто из них не был рядовым солдатом. Оглушительная популярность большевиков у солдат не открыла последним путь в руководство революцией, хотя в течение 1917 г. руководящие структуры РСДРП(б) отличались невиданным ни до, ни после уровнем открытости и достаточно высоким уровнем мобильно-

сти. Правда, мобильность эта была преимущественно горизонтальной. Что касается поколения революционных фанатиков, придумавших и принявших коммунистическую религию (поколение Аркадия Гайдара и Николая Островского), то оно состоится позднее, уже в годы гражданской войны. Среди них представителей солдатской массы 1917 г. тоже не будет.

Тем не менее нельзя сказать, что солдатская масса 1917 г. была однократно использована и «ушла в песок», не оставив следа. Она не только в определенный момент явилась рычагом захвата власти и обеспечила большевикам солидное представительство в Учредительном собрании (24 % голосов, отданных за большевиков в ходе выборов, получены в основном в Петрограде и в прифронтовых губерниях), она оказалась своего рода лабораторией, дала «пролетарской» партии первый опыт эффективного воздействия на многомиллионные «армии трудящихся». Кроме того, первая фаза омассовления российского общества, связанная с военной мобилизацией 1914–1917 гг., определила оригинальный *мобилизационный путь* дальнейшего развития массового общества в России.

Источники

1. *Гордон* = Гордон П. Дневник : 1696–1698. М. : Наука, 2018. 324 с.
2. *Милицын* = Милицын С. В. Из моей тетради : Последние дни Преображенского полка // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 2. Берлин : Слово, 1921. С. 170–193.
3. *Родзянко* = Родзянко М. В. Государственная дума и Февральская революция // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. Т. 4. Берлин : Слово, 1922. С. 5–81.
4. *Соболь 1922* = Соболь А. Автобиография (1922 г.) // РГАЛИ. Ф. 860. Оп. 1. Ед. хр. 524.
5. *Хаустов* = Хаустов Ф. П. «Окопная правда» // Красная Летопись. 1927. №3 (24). С. 108–114.

Литература

1. *Деникин* = Деникин А. И. Очерки русской смуты : Крушение власти и армии, февраль–сентябрь 1917 г. Репр. воспр. М. : Наука, 1991. 520 с.
2. *Злоказов* = Злоказов Г. И. Новые данные о Приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // Источниковедение отечественной истории : Сборник статей. 1981 / АН СССР, Институт истории СССР ; Отв. ред. В. И. Буганов. М. : Наука, 1982. С. 62–71.
3. *Кормина* = Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России : Опыт этнографического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 376 с.
4. *Ортега-и-Гассет* = Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология толпы : Социальные и политические механизмы воздействия на массы. М. : Эксмо ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 417–459.
5. *Политические деятели* = Политические деятели России, 1917 : Биографический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1993. 432 с.
6. *Рабинович* = Рабинович А. Большевики приходят к власти : Революция 1917 года в Петрограде. М. : Прогресс, 1989. 416 с.
7. *Ропшин* = Степун Ф. (Н. Лугин). Из писем прапорщика-артиллериста. Ропшин В. Из действующей армии. (Лето 1917 г.). М. : [Тип. Т-ва «За-друга»], 1918. 239 с.
8. *Станкевич* = Станкевич В. Б. Воспоминания : 1914–1919. Берлин : Ладьяжников, 1920. 356 с.
9. *Степун* = Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага : Пламя, 1926. 267 с.
10. *Соболь 2002* = Соболь А. Салон-вагон. М. : Деан, 2002. 320 с.
11. *Телицын* = Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»?... : Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М. : РГГУ, 2003. 338 с.
12. *Троцкий* = Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. Пг. : Гос. изд-во, 1920. 178 с.

A. S. Baranov

The Soldiers' Revolution of 1917 and Prerequisites of Forming the Mass Society in Russia

The article analyses the role of soldiery in the revolutionary events of 1917 in Russia. The mass of soldiery is understood as a social new formation that took shape in Russia by the beginning of 1917 and had a special type of political culture. The author highlights the features of how soldiers perceived political realities and events as well as the motivation of their behaviour. The specific ways of setting and achieving relevant goals for the mass of soldiery are analyzed. Special attention is paid to the formation of a special type of social and political communications that connected the mass of soldiery and Bolshevik organizations in 1917. The prerequisites for a unique way of formation of mass society in Russia are also traced.

KEYWORDS: revolution, political culture, Bolsheviks, workers, peasants, mass of soldiery, mass society.